

Эрик Раст

**ТРАВНИЦА.
БИТВА ЗА ЖИЗНЬ**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Р24

Р24   **Раст Э.**
Травница. Битва за жизнь / Эрик Раст – М.: Литнет, 2026. – 124 с.

ISBN 978-5-524-01375-0

Айна, целительница из глухой деревни, против воли оказалась в эпицентре войны. Ее методы лечения вызывают насмешки у боевых магов, а ее связь с природой кажется суеверием. Но когда все средства исчерпаны, только ее дар может противостоять древнему злу, отравляющему саму землю.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-01375-0

© Литнет, 2026
© Э. Раст, 2026

Глава 1

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь полог тысячелетних дубов и ясеней, купались в пыли, танцующей в такт неспешному жужжанию шмелей. Для Алэйны это был не просто лес, это был живой, дышащий организм, каждую клеточку которого она чувствовала своей кожей. Она была Хранительницей, последней в долгой череде женщин ее рода, чьи пальцы помнили форму каждого листа, а душа слышала музыку жизни, текущую в древесных соках и подземных ключах. Алэйна никогда не приходила сюда хозяйкой, а только лишь бережной просительницей.

Опустившись на колени, девушка отщипнула пару листочков шалфея, оставляя растению большую часть его силы; аккуратно срезала ножом из оленьего рога шляпки упругих грибов-дождевиков; выкопала пахнущий землей корень окопника.

— Здравствуй, старик, — прошептала она, прижимаясь щекой к шершавой коре многовекового дуба. Его дух был древним и мудрым, помнящим еще ее прабабку, первую Хранительницу этих мест.

В этом жесте была вся ее жизнь и память рода. Руки бабушки Илэны, вложившей в ее детские ладони первый стебелек подорожника. «Запомни, внучка, — звучал в ее памяти тихий, певучий голос. — Мы не владем лесом. Мы лишь его слушаем и храним. Мы помним язык трав, и потому лес доверяет нам свои тайны».

После смерти Илэны дар проявился в Алэйне с неожиданной силой. Родители девушки были обычными людьми. Отец-охотник, знавший каждую звериную тропу, и мать-ткачиха, чьи песни были полны древних легенд, любили ее, но втайне побаивались этой странной связи с миром, лежащим за гранью обычного понимания. Их не стало десять лет назад после того, как шайка пришлых разбойников прокатилась по долине. С тех пор лес стал для Алэйны, или просто Айны, как звали ее в деревне, и домом, и семьей. В шелесте

листвы ей слышались голоса предков, а в тишине солнечных полей – мудрое молчание бабушки.

Как всегда перед уходом домой она прижимала к стволу дерева ладонь и закрывала глаза, позволяя спокойствию леса наполнить ее. Так, она проверяла баланс сил. Сегодня же что-то было... не так. Тихая тревога витала в воздухе, едва уловимая, как первый предвестник грозы. Птицы щебетали чуть тревожнее, муравьи бегали по своим дорожкам с лихорадочной поспешностью. И земля... земля едва заметно дрожала.

Девушка опустила на колени у небольшого родника, пробивающегося меж камней, и зачерпнула горсть воды. Вода была ледяной и кристально чистой, но на языке Айна почувствовала легкий, металлический привкус. Привкус тревоги. Привкус далекой боли.

«Что ты пытаешься мне сказать?» – подумала она, вытирая руку о простой холщовый передник.

Ее взгляд упал на королевский папоротник, росший у самой воды. Его вайи, обычно упругие и покрытые изумрудной зеленью, побурели и скрутились, словно от внезапного мороза. Алэйна потянулась к одному листу, и едва ее пальцы коснулись его, в висках резко стукнуло.

Видение ударило по ней волной тошноты и холода. В нем была и гнетущая тяжесть камня, и запах гари, и вкус крови на губах. И знамя, черное знамя с изображением паука, медленно ползущего по багровому, больному солнцу. Темные эльфы из Пустошей. Они не просто шли сюда войной. Они отравляли своей магией самую суть мира, самую основу жизни.

Девушка испуганно отшатнулась, и сердце бешено заколотилось у нее в груди.

«Не беги от страха, Айна, – вспомнился спокойный голос бабушки. – Страх – это сторож у ворот твоего разума. Услышь его и пойми, о чем он предупреждает».

Собравшись с духом, Алэйна снова прикоснулась к папоротнику,

но на этот раз отдала ему часть своего спокойствия, своей жизненной силы, как когда-то делала Илэна, исцеляя раненого оленя или иссохшее дерево.

– Я здесь. Я слышу тебя, – торжественно выдохнула девушка, и это была клятва не только этому растению, а всему ее наследию. – И я не дам этой тьме поглотить тебя.

Тогда бурый цвет чуть отступил, лист немного распрямился, торопливо впитывая подаренную ей энергию. Этого было достаточно. Лес подтвердил главное – беда была не здесь, она пришла извне.

Айна поднялась, смахнув с колен влажную землю. Ее корзина была почти полна. Но сегодня ей были нужны не просто успокаивающие травы. Ей понадобится вся сила, вся мудрость, переданная ей по наследству, вся любовь к этому лесу, что жила в ее сердце. Предчувствие говорило ей, что испытанию подвергнется не только ее деревня, но и само наследие ее рода. И она, последняя Хранительница, должна будет его защитить. Во что бы то ни стало.

Девушка еще раз окинула взглядом свою зеленую обитель. Здесь было безопасно. Здесь был ее дом, но ей надо было идти к людям.

– До завтра, старик, – бросила она на прощание дубу и, поправив корзину на локте, неспешной, плавной походкой двинулась по тропинке к своей хижине на опушке.

Там, вдали от шепота листьев, ее уже ждала тихая деревушка, даже не подозревавшая, что тень от черного знамени с пауком уже легла на их долину. А Айна, единственная, кто почувствовал эту тень, несла в своей корзине не просто травы. Она несла первую, пока еще хрупкую, линию обороны.

Глава 2

Воздух на опушке был иным, не таким чистым и таинственным, как в глубине леса, потому что сюда уже примешивался дымок из деревенских печей и запах свежее испеченного хлеба. Айна уже почти вышла из-под сени деревьев, когда ее остановил звук. Это был мерный лязг металла о металл.

Девушка замерла, вцепившись пальцами в ручку корзины. Предчувствие, дремавшее в ней весь день, проснулось и впилося когтями в сердце. Из-за поворота лесной тропы, ведущей к королевскому тракту, послышался топот. Это было тяжелое цоканье подкованных лошадей.

Пронеслось буквально несколько ударов сердца, и вот они появились. Сначала показался один всадник, высокий и статный, на вороном жеребце. Его доспех, покрытый дорожной пылью, отливал тусклым блеском стали. На его лице, жестком и обветренном, с холодными серыми глазами и тонкими, сжатыми в ниточку губами, лежала печать усталости и безразличия ко всему, что его окружало. Он был словно высечен из гранита. Без сомнения, этот всадник был командиром отряда.

А за ним следом из-за поворота показались и остальные. Два десятка солдат, пеших и конных. Они двигались нестройной, но грозной толпой. Их щиты были исцарапаны, плащи порваны, а у некоторых на бедрах или плечах виднелись пропитанные кровью бинты. Солдаты шли, громко переговариваясь, и их грубые уставшие голоса прогоняли тишину леса.

Алэйна невольно отступила на шаг назад, в тень старой березы. И стоя там, она с тревогой наблюдала, как процессия входит в деревню. Деревенские таких гостей не жаловали, потому что неизвестно, что от них было ждать. Сразу, как по команде смолк детский смех. Заскрипели, захлопываясь, ставни. Из дверей своей кузни-

цы, вытирая руки о фартук, с напряженным лицом и нахмуренными бровями вышел бородатый Горн.

Командир, не слезая с коня, окинул деревню одним уничтожающим взглядом.

– Староста! – гаркнул он не терпящим возражений голосом.

Из самого большого дома выбежал тучный Барен, подтягивая на ходу сползающие штаны. Его обычная добродушная улыбка сменилась подобострастной гримасой: – Я здесь, господин капитан! Чем можем служить?

– Лошадей. Фураж. Провиант на три дня для двадцати человек, – отчеканил капитан, спрыгивая с седла с такой легкостью, что было странно для его брони. – И быстро. Мы преследуем вражеских лазутчиков.

Барен сразу засуетился, покрикивая на односельчан, вышедших из домов:

– Конечно, конечно! Ребятки, слышите? Бегите к амбарам!

Суэта захлестнула деревню. Солдаты спешили, растянулись у колодца, зачерпывая воду и выливая ее себе на головы. Один, молодой парень с бледным лицом, прислонился к стене дома, сжимая руку на перевязанном предплечье. Его глаза были остекленевшими от боли.

И тут Айна увидела мага. Он стоял чуть в стороне от других, опираясь на длинный посох с кристаллом на вершине. Его темно-синие одежды, расшитые серебряными рунами, были безупречно чистыми, несмотря на долгую дорогу. Лицо было молодым, красивым, но испорченным выражением превосходства. Взгляд его холодных глаз с пренебрежением скользнул по бревенчатым избам, по перепуганным лицам жителей, и на тонких губах появилась легкая, почти незаметная усмешка. Он казался существом с другой планеты, занесенным сюда по ошибке.

И тут его глаза встретились с глазами Алэйны. Она почувствовала укол брезгливого интереса, с каким обычно люди рассма-

тривают странное насекомое. Маг заметил ее корзину с травами, ее простую одежду, и отвернувшись, тут же потерял к ней всякий интерес.

Айна выдохнула, не понимая, почему это мимолетное внимание заставило ее похолодеть.

Внезапно у колодца поднялся шум. Тот самый, раненый солдат медленно и тяжело осел на землю.

– Рован! Эй, Рован, держись! – закричал его товарищ, хватая парня за плечи.

Капитан резко обернулся, его лицо исказилось досадой. – Арион!

Маг неспешной походкой подошел к упавшему. Он не присел, а лишь протянул руку над раной. Кристалл на его посохе вспыхнул холодным голубым светом. Воздух затрепетал, запахло свежестью. Айна видела, как темная повязка на руке солдата на мгновение озарилась изнутри тем же светом.

– Пустяк, – пренебрежительно бросил маг, отводя руку в сторону. – Просто инфекция. Я прижиг ее, теперь он сможет идти дальше.

Но Айна, всматриваясь в побелевшие пальцы солдата, в его прерывистое дыхание, видела другое. Она видела, как синеватая чернота, похожая на гниль, все еще ползет по его венам выше повязки. Магия колдуна была быстрой, яркой, но... поверхностной. Она сражалась со следствием, а не с причиной. Она была как пластырь, наклеенный на гнойную рану.

Капитан, казалось, удовлетворился этим. Он кивнул и снова повернулся к Барену, отдавая новые распоряжения.

А Айна стояла в тени, сжимая свою корзину. Она смотрела на солдата по имени Рован, которого товарищи грубо поднимали на ноги, и на спину мага, уверенного в своем превосходстве. И она понимала, тень от черного знамени с пауком была уже здесь. Она пришла не в виде армии, а в виде этой черной гнили, пожирающей человека изнутри. И она принесла с собой этих людей, которые не умели слушать шепот земли и не знали мирной жизни.

Девушка медленно, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, пошла по краю деревни к своей хижине. Ей нужно было проверить запасы коры ивы и тысячелистника. И найти тот самый гриб-трутовик, что рос только на северной стороне дубравы. Его горький отвар был единственным, что могло справиться с такими ядами.

Война постучалась в их долину. И Айна знала, что ее тихой жизни среди трав и шепотов деревьев пришел конец.

